

Ивонина, Л. И. Международные отношения в Европе конца XVII — начала XVIII в. и падение Шведской империи / Л. И. Ивонина // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 159–170.

Л. И. Ивонина

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII В. И ПАДЕНИЕ ШВЕДСКОЙ ИМПЕРИИ

В историографии традиционно история Швеции начала XVIII в., т. е. фактически история распада Шведской империи в Европе, связана больше с военными коллизиями в Балтийском регионе во время Великой Северной войны. Вне всякого сомнения, эта северо-восточная часть огромного системного общеевропейского конфликта, который составляли обе европейские войны начала XVIII в., — Северная война и война за испанское наследство — нередко по своему значению выносятся на первый план в работах известных специалистов по истории международных отношений этого столетия. К примеру, по мнению Дж. Блэка, Северная война,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства образования Российской Федерации (Конкурс гуманитарных грантов 2002 г.).

а именно решительная борьба между Карлом XII Шведским и Петром Великим, и вовлечение в эту борьбу короля польского и курфюрста Саксонского Августа II, а также Фридриха IV Датского, являлась по своим дальнейшим результатам даже более значительной для развития континента. Ведь Россия Петра I была вынуждена тогда решать насущные проблемы своего естественного развития, и столкновение со Швецией в этой связи было неизбежным. Вообще в эпоху раннего нового времени страны Восточной и Центральной Европы были вовлечены в жестокую борьбу за выживание, а период между 1650 и 1750 гг. являлся решающим этапом в этой борьбе. В определенном смысле с Блэком перекликается Р. Фрост, который отметил необходимость пристальнее взглянуть на Восточную Европу, чтобы действительно понять природу военных изменений и их влияние на социальные и политические структуры раннего нового времени.

По сути, падение Шведской империи и переход Шведского государства на вторые роли в европейской политике был обусловлен двумя факторами. Первый, внутренний фактор, напрямую связан с уникальной природой создания и существования этой Северной империи. Ее территориальный рост на европейской арене был исключительно быстрым — меньше сорока лет разделяет захват Риги (1621 г.) и мир в Оливе 1660 г. Столь же быстро происходил ее распад: можно сказать, что он начался в 1702 г., когда Петр Великий захватил Нотеборг (будущий Шлиссельбург), и закончился шестнадцатью годами позже, когда пуля врага (или, возможно, патриота) положила конец жизни Карла XII. Вообще шведское государство второй половины XVII — первой половины XVIII в. представляло из себя своеобразный политический феномен. Все другие империи раннего нового времени являлись империями

предпринимательства, эксплуатации, разрешения внутренних противоречий, и, возможно, в некотором смысле это были империи случая. Находясь на огромном расстоянии от своих метрополий, требовавшим месяцы плавания через океан, колонии европейских держав не представляли непосредственного стратегического значения для них, метрополиям необходимо было разрешать лишь местные колониальные противоречия. Испанские, португальские, голландские, английские, французские колонии имели для своих метрополий преимущественно экономическое значение. Шведская же империя была главным элементом защиты собственного государства. Экспансия шведов в Северо-Восточной Европе и Германии радикально отличалась от имперской экспансии других государств раннего нового времени в том,

что она не являлась более или менее спонтанным выбросом национальной энергии, генерированной экономически, политически и духовно превосходящими, либо обделенными слоями общества, а была ответом на внешние изменения. Швеция была империей по необходимости, результатом политики центральных властей: личная инициатива не играла здесь никакой роли, а завоеванные территории на Балтике и в Германии шведами экономически почти не эксплуатировались. Но когда империя больше не служит целям, ради которых она создавалась, и не ищет время от времени оправдания своему существованию, то она обречена на исчезновение. Естественно можно заключить, что такая империя не смогла бы долго функционировать: внешний фактор способствовал как ее созданию, так и падению.

Второй фактор, внешний, на переднем плане, конечно, связан с неудачной экспансионистской внешней политикой Карла XII, потребностями развития Российского государства и геополитическими особенностями России, политическими талантами Петра Великого. Однако не следует также преуменьшать значение влияния военных событий и дипломатических коллизий на Западе, а особенно во время войны за испанское наследство, которая занимала в начале XVIII в. преимущественное внимание тогдашнего западноевропейского мира. Но вначале несколько замечаний о стратегических позициях Швеции в Европе.

Создание империи не предоставило Швеции безопасности, которую она искала — наоборот. Конечно, мир в Столбове 1617 г. временно предотвратил русскую угрозу точно также, как и мир в Копенгагене датскую. Но германские провинции сделали Швецию более-менее уязвимой. В военном и политическом плане они представляли угрозу безопасности больше, чем ее защиту. Со времен Густава Вазы шведская внешняя политика проводилась под страхом войны на два фронта. Приобретение германских территорий означало риск войны не только на два фронта, но даже на три, как это произошло в 1659 г. Защиту балтийских провинций можно было легче осуществлять из-за их географического положения: реки и озера создавали водные барьеры для завоевателя. Но германские провинции не имели таких естественных выгод и были открыты для военных атак: реки протекали через них, но не окружали их. Поэтому было необходимо содержать в местах стратегического значения в Германии военные гарнизоны и тратить изрядные суммы на фортификации, особенно в Померании, что изрядно било по карману налогоплательщиков как в Швеции, так и в ее провинциях.

Еще в 1658 г. Карл X обнаружил, что защита Померании требует 8 тыс. человек в мирное время и 17 тыс. во время войны. Концентрация войск в Померании была важным фактором (но не единственным), который вел к опасному пренебрежению защиты балтийских провинций. И, несмотря на местную армию, несмотря на фортификации, Померания захватывалась полностью или частично почти в каждой из войн, которые Швеция вела после 1648 г.: в 1659, 1677, 1713, 1759, 1808 гг. Дважды она возвращалась Швеции только благодаря дипломатическому вмешательству Франции. Но Померания была чем-то вроде символа, знаком того, что Швеция является великой державой, хотя представители самой этой провинции прохладно относились к подобной позиции шведов. В 1724 г. лантмаршал (глава дворянского сословия) и глава риксдага Арвид Хорн заметил в Сенате: «Померания хотя и маленькая, но тем не менее более важна для нашей репутации, чем половина Швеции. Все внимание, которое Франция и протестантские государства Германии оказывают нам, зависит от статуса Померании».

Огромное стратегическое значение для Швеции имели Бремен и Верден, которые являлись мощным форпостом Швеции на севере Германии для давления с целью сохранения европейского баланса сил и Вестфальских соглашений, а также находились на удобном расстоянии от Нидерландов и Дании, постоянного соперника Швеции.

Но большую угрозу для шведского государства представляли не только стратегические позиции германских территорий, но и отношение самих германских чинов и западноевропейских держав к Швеции, т. е. непосредственно сама расстановка сил на континенте к началу века Просвещения.

К концу 80-х гг. XVII в. Франция, традиционный союзник и защитник германских свобод и гарант Вестфальского мира, оказалась практически в международной изоляции. Поправление Людовиком XIV принципов свободы вероисповедания после отмены Нантского эдикта в 1685 г. параллельно с нарушением баланса сил в Европе вновь сплотили как католических, так и протестантских князей вокруг императора Священной Римской империи, смилив шегося после 1648 г. с поликонфессионализмом и не могущего нарушать имперскую конституцию. Уже становилось очевидным, что французский король играет роль защитника католической ортодоксии в Европе больше, чем роль традиционного защитника религиозных свобод в Империи. Даже традиционный союзник Фракции курфюрст Пфальцкий Карл-Людвиг, восстановивший благодаря французской дипломатии на Вестфальских переговорах свою

власть и земли, осудил перед своей смертью в 1685 г. политику Людовика XIV, а новый курфюрст уже поддерживал императора. Территориальная экспансия в рамках единой системы являлась большим просчетом не только для Франции, но и для другого гаранта вестфальских соглашений — Швеции. К концу XVII в. Вестфальская система переживала глубокий кризис, ведущий к перегруппировке сил, и составной частью этой перегруппировки было то, что германские князья уже не нуждались в защите как Францией, так и Швецией, их прав и свобод от императора. И если нажим Франции был опасным, то опека Швеции, постоянно вступавшей в военные конфликты в Померании и на Балтике, становилась довольно обременительной, а то и прямо противоречащей интересам германских чинов, особенно Бранденбург-Пруссии и Ганновера. Наконец, становление шведского Великодержавия происходило в то время, когда соседние государства — Дания, Польша, Россия и Бранденбург-Пруссия — были

послабее, что дало возможность Швеции в XVII веке расширить границы за их счет. В конце столетия положение соседних стран во многом изменилось, и Швеция оказалась окруженной жажущими реванша государствами.

Серьезная перегруппировка сил, напрямую затронувшая интересы Запада, произошла в Центральной и Восточной Европе. В 1696 г. умирает король Польши Ян Собеский, прославившийся в 1683 г. во время осады Вены турками. Изнурительная война в составе Священной Лиги против турок да еще честолюбивые планы сына Яна Якова Собеского занять молдавский трон, способствовали вмешательству на выборах нового короля во внутренние дела Речи Посполитой западноевропейских держав, а также России. По сути, новый король Польши и одновременно саксонский курфюрст Август II Сильный устраивал Империю и Россию, но никак не Швецию или Францию. «Польский вопрос» также являлся одним из существенных факторов будущего падения Швеции, поскольку дипломатическая и военная «возня» вокруг Польши крепко связывала интересы всех коалиций в испанском и северном конфликтах.

В целях обеспечения сообщения между германскими провинциями и Померанией для Швеции было очень существенным сохранять дружбу с Гольштейн-Готторпом. Последний, по сути, был ключевым элементом северогерманской политико-стратегической арки Швеции. В определенном смысле Швеция являлась политическим заложником Готторпа, что сталкивало ее с Данией и могло повлиять на баланс сил в Западной Европе. Уже при Карле XI имела место серьезная франко-датская морская атака на новый флот короля.

Поэтому не удивительно, что канцлер Оксеншерна советовал своему господину укреплять союз с морскими державами (Англией и Голландией), на помощь флота которых можно было надеяться в столкновениях с Данией по поводу Гольштейн-Готторпа. Не удивительно, что деньги лавиной потекли на строительство фортификаций, способных защитить от датского вторжения. Однако удивительно то, что страх перед Данией в шведских политических кругах был преувеличен. После 1680 г. международная ситуация была такова, что Кристиан V Датский реально не мог надеяться завоевать Гольштейн-Готторп и другие спорные территории. Союз Швеции с морскими державами Англией и Голландией, увеличившими свое влияние после Славной революции в Англии 1688 г. и восшествием на английский трон Вильгельма III Оранского, способствовал стабилизации ситуации в этом регионе и укреплению позиций Швеции. Аугсбургская лига европейских государств, куда входили Англия и Голландия, в 1688—1697 гг. провела довольно успешную Девятилетнюю войну против могущественного короля Франции Людовика XIV, который тогда впервые не получил территориальных приращений и не мог, даже если бы и желал, оказать поддержку Дании. Поэтому в 1697 г., в момент смерти Карла XI, Швеция находилась на вершине своего могущества и достигла высшей точки влияния в международных делах. Она располагала большой постоянной армией (60 тыс. чел.) и первоклассным флотом (42 линейных корабля и 12 фрегатов). Ежегодный доход королевства достигал более 6 млн серебряных талеров. Карл XII (1682—1718) унаследовал сильное и влиятельное государство. Однако не все выглядело столь безоблачно.

Европейские правители, а именно короли Франции, Англии и император Священной Римской империи Леопольд уже сразу после Девятилетней войны стали делить готовое вот-вот освободиться панское наследство. Нарушение европейского баланса сил, а следо вательно, кризис Вестфальской системы в целом, дальновидным политикам представлялся очень скорым, дипломатическая и военная подготовка новой

войны уже фактически велась. И, кроме того, реальную угрозу Швеции представляла не Дания, а Россия. Трудно поверить, что политики в Стокгольме думали иначе. Если даже и существовал период, когда опасность из России была минимальной, то это было в десятилетие, следовавшее за смертью Алексея Михайловича, когда Московское государство, во-первых, было ослаблено дворцовыми переворотами, а, во-вторых, глубоко увязло в войне против турок. Но ведь внутренняя ситуация могла стабилизироваться, да и война с турками закончиться, чему в немалой

степени способствовали западноевропейские державы. Вообще укрепившийся на российском троне Петр I поначалу вовсе не намеревался развивать активную внешнюю политику на Западе. В свое время это пытались делать Иван Грозный и отец Петра Алексей Михайлович, но в итоге потерпели поражение. Русский царь обратился против Турции, и с этой целью проводил активную дипломатию на Западе в конце 80-х — 90-х гг. Но его Великое посольство не достигло желаемых результатов. Во время войны 1688—1697 гг. европейские державы по вполне понятным причинам уклонялись от помощи России, а что касается Империи, то мир в Карловице 1699 г. по своим результатам для Леопольда I не сравним с результатами русско-турецкого мира 1700 г. Фактически не достигнув желаемого на юге в определенной степени благодаря отсутствию должной поддержки занятых более важными делами европейских государств, Петр обратил свои взоры на запад, к Балтийскому морю.

Как сложно было Карлу XII призадуматься о том, какую на самом деле опасность представляла Россия! Его предшественник на троне повлиял на будущую трагедию Шведской империи и самого короля самым непосредственным образом. Своей внешней политикой Карл XI, обеспечив наследнику безопасность и спокойствие на юге и на западе, оставил почти без защиты недружественные восточные границы. Основные шведские войска были сконцентрированы в Германии, в то время как фортификации на Балтике были полуразрушены или вовсе не существовали — там практически ничего не изменилось со времен Густава II Адольфа.

Дисбаланс в защите являлся достаточно серьезным, но не был фатальным. Все зависело от конкретной политики короля и поведения европейских держав. С 1700 г. политика Карла XII была направлена на то, чтобы исключить неспровоцированные и молниеносные нападения из Дании, Саксонии и России. Впрочем, они не увенчались полным успехом. В 1699 г. Карл делал попытки уговорить турок продолжать войну с Россией, но последние, ослабленные войной на два фронта, как мы уже знаем, пошли на заключение договоров с Веной и Москвой. Определенной удачей стало подписание в январе 1700 г. союзных соглашений между Швецией, Англией и Голландией. Дружба с морскими державами и союз с Гольштейн-Готторпом делали возможным сбить с ног Данию перед тем, как опасность на востоке станет неконтролируемой: ведь уже датско-саксонский договор, к которому в ноябре 1699 г. присоединилась Россия, знаменовал собой грозное для Швеции политическое окружение. Фридрих Датский был вынужден заключить мир уже в том же 1700 г. Защита балтийских провинций пала быстро: король

разбил русских под Нарвой, а затем шведская военная мощь привела к поражению Августа, в результате чего Курляндия целиком оказалась во владении Швеции. Военные формирования Швеции находились на единственном театре военных

действий, и нелегко представить, что в таких обстоятельствах защита завоеванных территорий не была эффективной при той силе, которой располагал шведский король. Полководческий талант «храброго солдата» Карла уступал его упрямству и эксцентричности, но еще раз заметим, что причины его окончательного поражения крылись не только в неудачно избранной военной стратегии. Уже по опыту предшественников можно было догадаться, насколько Швеция зависела от западноевропейской политики. Политические структуры единой Вестфальской системы были слишком взаимосвязаны, чтобы можно было легко абстрагироваться от намерений и желаний ближайших, и даже дальних соседей.

Несмотря на первоначальные военные успехи, Швеция почти сразу же стала терять свои политические позиции. Уже задолго до того, как Карл вторгся в Саксонию в 1706 г., внимание Вены и большинства чинов Империи целиком было обращено к войне против Людовика XIV, стремившегося к нарушению равновесия сил в Западной Европе в свою пользу. Дипломаты французского короля развивали высокую активность в Швеции, стремясь привлечь ее на свою сторону: не удивительно поэтому, что у молодого короля возникла мысль готовить высадку в Шотландии, чтобы восстановить на английском престоле Якова II Стюарта, а часть якобитов участвовала в кампаниях Карла XII. Более того, новые завоевания, европейская слава победителя и всеобщее восхищение отнюдь не мешали обострению отношений Карла XII с морскими державами в связи с оккупацией Курляндии, завоеванием Данцига и переговорами с Людовиком XIV о поддержке Франции в войне за испанское наследство. Еще в августе 1700 г., когда шведский король высадился на острове Зеландия и подошел к Копенгагену, он под давлением Англии и Голландии не овладел столицей Дании и не захватил датского флота, который в дальнейшем постоянно угрожал коммуникациям шведской армии. В принципе, обе противоборствующие стороны в войне за испанское наследство были заинтересованы в замирении Севера и опасались отзыва германских вспомогательных войск из своих армий.

В связи со всем этим тезис Е. В. Тарле о «неизменно враждебной политике Англии относительно России», и о том, что англичанам приходилось время от времени «симулировать дружелюбие» в отношении Петра, представляется не совсем убедительным. Слишком

серьезные интересы на Балтике связывали англичан с Северной войной, но еще большие интересы были у них в Западной Европе, от разрешения которых в пользу Англии зависело само существование британской конституционной монархии, а также в Средиземном море и Атлантике. Последние обстоятельства сталкивали Англию, конечно же, с Францией, ловкая дипломатия которой добилась-таки склонения на свою сторону Карла Шведского: тот даже одно время намеревался из Саксонии выступить против союзных войск антилюдовиковской коалиции под командованием герцога Мальборо и Евгения Савойского. И не только в отношении России и Швеции Англии пришлось «лабиринтировать, хитрить и изловчаться» — это удел дипломатии любого государства и в любое время. Поэтому не будем упрекать англичан в том, что в 1705—1706 гг. Петра не приняли в Великий союз, за «дело» боярина Матвеева, а также за то, что в 1707 г., получая подарки за свое мнимое содействие заключению мира со Швецией, герцог Мальборо всячески старался ускорить уход Карла XII из Саксонии и нападение на русские границы. Такая дипломатия знаменитого полководца и политика была вполне естественной, ибо от нее зависел исход борьбы с Людовиком и в конечном счете судьба самой английской монархии. Несмотря на то, что Мальборо общался с

послом Петра Матвеевым крайне любезно и обещал «крепко говорить со шведом», а переписка Петра и королевы Анны была проникнута обоюдным уважением и признаниями в любви, Англия признала шведского ставленника Станислава Лещинского польским королем, а сам Мальборо даже посетил Альтранштадт с целью уговорить Карла и его министров повернуть на восток. Всемогуший английский герцог не мог доверить эту миссию своим дипломатам, поскольку именно в это время вездесущий государственный секретарь Короля-Солнце Торси почти добился обещания Карла XII вторгнуться в наследственные владения императора Иосифа. Переписка Мальборо полна серьезных опасений на сей счет. В то же самое время сам Людовик протянул щупальца своей дипломатии и в Россию — именно его агенты уже после битвы при Лесной первыми узрели в Петре «нового Александра Македонского». Постоянно пребывавший при русском императоре английский посол Уинтворт в своих донесениях был обеспокоен активностью французских коллег. Еще до Полтавы возможность победы русских над шведами также допускали в Дании, Империи и Стамбуле.

В серьезном положении в начале XVIII в. находилась Вена. Восточноевропейский конфликт поставил императора Иосифа перед дилеммой выбора между Россией и Швецией. Ведь он был

вынужден считаться и с интересами саксонского курфюрста в Польше, и с датским и шведским присутствием в Империи, и с бранденбург-прусскими интересами в Померании одновременно. Все это заставляло правительство Вены хитрить и лавировать. Иосиф дважды поддержал на переговорах со Швецией Августа Сильного в противовес Станиславу Лещинскому, но открыто объявить себя сторонником России опасался — пасовал перед Швецией, угрожавшей вторжением. Когда Петр предложил союз, император оказался достаточно умным, чтобы не идти на риск и напрямую не объединить две войны. И спустя столетия в Вене еще маячил призрак Тридцатилетней войны и франко-шведской коалиции.

И еще существовал один важный момент: если морские державы были ранее просто озабочены продолжением их торговли с Нарвой и Ригой, когда эти порты окажутся в руках русских, то теперь Карл и вовсе перехватил ее, стремясь пополнить свои изрядно поредевшие финансы. Вполне естественное в такой ситуации возмущение Англии и Голландии разрушило единственный эффективный барьер, обеспечивавший достигнутую стабильность в отношении Дании. В июне 1709 г., за несколько дней до Полтавского сражения, датский король заключил с саксонским курфюрстом Августом II договор, задачей которого было обеспечить неприкосновенность германских владений обеих договаривающихся сторон и который предусматривал возможность антишведского выступления. А в начале июля того же года Дания, Саксония и Пруссия заключили договор, по которому Пруссия обязалась препятствовать прохождению шведских войск через бранденбургскую территорию. Прусскому королю был обещан Эльбинг, за что Пруссия должна была сохранять нейтралитет. В октябре 1709 г. Дания заключила новый договор с Россией: предусматривалось датское наступление на Сконе и Норвегию, русское — на Финляндию, причем обеим сторонам воспрещался сепаратный мир со Швецией. Так, уже после Полтавы исход Северной войны был фактически предreshен, но Шведская империя, конечно, не без помощи английских, французских, имперских дипломатов, предпочла агонизировать, надирать последние силы, теряя последние клочки своей балтийской территории. Однако уже тогда шведские послы просили свое правительство поскорее их отозвать, поскольку им

невмоготу стало выносить оскорбления и иронические насмешки при западноевропейских дворах. Родственница Людовика XIV принцесса Пфальцская, имевшая большое влияние в Версале, так отзывалась о Петре в своих письмах, помеченных октябрём-декабрём 1709 г.: «Царь качественно выиграл большую битву и может на многое надеяться. Наступит

время, когда король Швеции будет разгромлен и будет просить прощения у царя... Я нахожу, что царь — великий политик своей страны. При этом он в достаточной степени знает французский, чтобы хорошо проштудировать книгу Вобана (знаменитого военного инженера Франции. — *Л. И.*) А вот Вобан не знал иного языка, кроме французского...».

В принципе, уже в начале единого общеевропейского конфликта первой четверти XVIII в. Швеция осталась фактически без союзников, несмотря на восхищение современников ее королем. Обе стороны, принимавшие участие в войне за испанское наследство, после уклонения Швеции от участия в западноевропейских делах были не против завязать потуже узел противоречий на Балтике и на востоке Европы, дабы исключить непредвиденное вмешательство в дележ испанской добычи и нарушение баланса сил на западе континента как Швеции, так и России. Об этом ярко свидетельствуют дипломатическая переписка и личные бумаги правителей, их министров и полководцев. К примеру, канцлер казначейства Годолфин замечал своему другу и патрону герцогу Мальборо в письме от 7 августа 1707 г.: «Если шведский король заключит договор о совместных действиях с Францией, последствия для нас будут самые ужасные». Конечно, многие сильные потенциальные союзники основных противников в Северной войне, такие, как Бранденбург-Пруссия, вступали в войну за испанское наследство с чувством определенного принуждения. Вена предпринимала шаги к развязыванию военных действий уже с конца 1700 г., и император Леопольд согласился на то чтобы курфюрст Фридрих I стал королем Пруссии в обмен на участие в борьбе против французского короля. На протяжении войны за испанское наследство Фридрих являлся последовательным союзником императора, тогда как в Северной войне до поры до времени мог проводить только дипломатию «качелей». Надо сказать, что прусский маятник очевидно склонялся на сторону России, ибо укреплявшаяся территориально и политически Пруссия напрямую сталкивалась с Швецией на Севере Европы и в Померании.

Следует, однако, заметить, что, заключив мирные договора в Утрехте и Раштатте, западноевропейские державы обратили свое пристальное внимание на восток и северо-восток, обеспокоенные возросшей мощью Российского государства и продолжением северного конфликта. Внезапное возвращение Карла Шведского из Турции в конце 1714 г. укрепило союз между Россией, Данией, Саксонией и Польшей. Прусские территориальные приращения спровоцировали Швецию объявить войну и Пруссии, Рюген и Штральзунд

были отвоеваны шведами уже в 1715 г. Но уже в 1716 г. Петр Великий, завоевав шведские остзейские провинции, готовился к вторжению в южную Швецию из Дании, и зимой того же года расквартировал свои войска в Мекленбурге, соседствовавшем с Ганновером. Параллельно Дания захватила шведские Бремен и Верден, затем русские появились в Гольштейне. Внедрение армий Петра столь далеко на запад повлекло за

собой изменение позиций государств, которые атаковали Швецию после Полтавы — Дании, Ганновера и Пруссии. Король последней Фридрих-Вильгельм I особенно встревожился, когда русские вместе с саксонцами вступили в Штеттин. Появление Петра на Севере Империи вызвало также беспокойство у нового императора Карла VI, который даже созвал рейхстаг в Брауншвейге, чтобы через германских протестантских чинов нейтрализовать наступление русских армий и утихомирить Швецию. Но напрасно: несмотря на то, что для Швеции война превратилась в оборонительную и шла уже на ее собственной территории, Карл в 1717 г. начал свой последний поход против Норвегии. Новый виток войны мог повлечь за собой серьезное изменение едва только установленного баланса сил на континенте, и испугал многих правителей, в особенности Георга I Английского, который даже поссорился с Петром. Ганноверец Георг, озабоченный русским вторжением в Мекленбург, возглавил мирные переговоры между Швецией и ее западноевропейскими противниками, фактически став инициатором антирусской дипломатической коалиции. Давление Британии сыграло главную роль в отступлении Петра из Мекленбурга в 1717 г., а в 1719 г. Вена, Ганновер и Дрезден подписали договор, согласно которому русские войска должны покинуть Польшу. Однако все это уже не могло спасти ни Карла XII, закончившего свой жизненный путь в Норвегии в 1718 г., ни распада Шведской империи.

В итоге, переход шведского государства на вторые роли в европейской политике, состоявшийся в первой четверти XVIII столетия, был обусловлен отнюдь не столько слабостью Карла XII или силой Петра Великого. Судьба великой уникальной империи на Балтике в немалой степени зависела от расстановки сил в Западной Европе. Северная война и война за испанское наследство, полное слияние которых не было исключено в 1706 — начале 1709 гг., являлись единым системным конфликтом между европейскими государствами того времени, который уже за десятилетия до того создали дворы и кабинеты. Вестфальская система международных отношений в Европе, формировавшаяся после 1648 г., переживала в начале XVIII в. кризис, и перегруппировка сил была закономерной.